

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
23 (86)

ВИЗАНТИЯ
И ВОСТОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1971

ЭКФРАЗА XII МЕСЯЦЕВ ЕВМАТИЯ МАКРЕМВОЛИТА

Роман Евматия Макремволита по типу древнегреческих софистических романов, в частности по типу романа Ахилла Тамия, послужившего ему образцом, расцвечен экфразами. Среди них описание XII месяцев является наиболее показательным для искусства автора.

В основу этой экфразы легли впечатления от знакомства с памятниками распространенного в XI и особенно в XII в. жанра византийской живописи, представлявшими каждый месяц в виде антропоморфной фигуры с соответствующими атрибутами,¹ возможно, и письменные источники, поскольку к экфразе существовали современные ей литературные параллели.² Наиболее близко стоит к ней прозаическое «Описание месяцев, символически изображенных художником», принадлежащее анонимному автору XII в. Точек соприкосновения между «Описанием» и экфразой Евматия столько, что, несмотря на разницу в трактовке материала — экфраза поэтична и чужда интереса к конкретному, «Описание», напротив, имеет прозаически-бытовой характер, — приходится думать либо о наличии общего для обоих произведений источника, что весьма вероятно, поскольку описания месяцев были популярным литературным жанром, либо видеть в одном из текстов переработку другого.

В связи со сказанным очерчиваются задачи настоящей статьи: она ставит себе целью выяснить трактовку Евматием этого сюжета и, насколько позволяет материал, взаимоотношения его экфразы и «Описания» анонима.³

¹ Мысль о знакомстве Евматия с живописными изображениями месяцев высказал Стржиговский (J. Strzygowski. Die Monatszyklen der byzantinischen Kunst. Repertorium f. Kunstwissenschaft, 11, 1887—1888, S. 43). Он же опубликовал эти изображения и установил трафарет обрисовки отдельных месяцев. Но так как исследователь не располагал позднее его статьи изданным текстом «Описание месяцев, символически изображенных художником», которое, может быть, послужило Евматию источником, он, естественно, основывал свой взгляд на совпадениях экфразы Евматия с живописным трафаретом. После введения в научный оборот «Описания» одних совпадений с канонном недостаточно для установления аутопсии Евматия, поскольку при неясности взаимоотношений обоих текстов эти совпадения могли быть следствием использования Евматием «Описания». Точка зрения Стржиговского подтверждается, однако, чертами живописного трафарета, встречающимися в экфразе Евматия, но отсутствующими в «Описании», например наличие у романиста фигуры III месяца, отвечающей живописному канону и пропущенной автором «Описания».

² Разбросанные по малодоступным изданиям стихотворные описания месяцев XII—XIV вв. собраны и образцово изданы: В. Keil. Die Monatszyklen der byzantinischen Kunst in spätgriecher Literatur, Wiener Studien, 11, 1889; прозаическое «Описание месяцев, символически изображенных художником» анонима XII в. опубликовано: L. Volz. Bemerkungen zu byzantinischen Monatslisten. Byzantinische Zeitschrift, 4, 1895.

³ Стихотворные экфразы вследствие своей чрезвычайной сжатости дают мало материала для сопоставления и потому привлекаются ограниченно.

Так как экфраза была тематически связана с аллегорией трансцендентной любви, составлявшей содержание романа,⁴ т. е. представляла собой аллгорию власти любви над миром (IV, 24), она потребовала той же абстрактно-символической техники изображения, которая была использована Евматием в повествовательной части «Повести». Сообразно с этим он ограждает свою экфразу от специфических черт византийской жизни, которые подсказывались имевшимся у него запасом впечатлений от бытового по своему характеру материала живописных календарей и от литературных описаний календарных циклов, которые были ему, вероятно, тоже известны.

Первый шаг в этом направлении — «разбитовляющие» поправки, внесенные им в облик символических фигур, воплощающих месяцы, и в компоненты фона, на котором они изображены.⁵

Поэтому вразрез с живописным трафаретом в руке косца, представляющего IV месяц,⁶ появляется гигантский серп, что придает его облику эмблематичность (IV, 8), вполне реальный образ виноградаря, воплощающий, согласно канону, VII месяц,⁷ превращается в фантастическое существо, у которого «левая рука уподоблена виноградной лозе, с пальцем, как с веток, свисают грозди; правая снимает виноград, бросая ягоды в рот, как в точило, где зубы, наподобие ног виноградарей, давят ягоды» (IV, 11); в описании XII месяца, символизированного, согласно живописной традиции, фигурой старца, греющегося перед очагом,⁸ у Евматия вместо обыденного очага возникают «полные огня котловины и пламя, полыхающее до самого неба, так что не понять, изливается ли огонь с высоты на землю или с земли взлетает до небес» (IV, 16).⁹

Историческая неопределенность обстановки достигается также отбором черт, лишённых византийской специфичности (характерные для Византии бытовые особенности в экфразу не попадают): Евматий не упоминает ни о штанах как предмете мужской одежды,¹⁰ ни о шелковых одеяниях, распространенных в обиходе богатых византийцев, ни, рисуя в VI, 12 птицелова, об охоте с ловчими птицами, чрезвычайно характерной для Византии и потому отраженной в живописном каноне, принятом для изображения этого месяца.¹¹

⁴ Византийская любовная проза. Перевод, статья и примечания С. Поляковой. М.—Л., 1965, стр. 126 сл.; С. Полякова. О некоторых художественных особенностях романа Евматия Макреволита «Повесть об Исмине и Исминии». VII Всесоюз. конф. византистов в Тбилиси, Тез. докладов, Тбилиси, 1965, стр. 112.

⁵ Единственным отступлением, не вызванным этой задачей, является образ VI месяца, который, согласно канону, изображался в виде страдающего от жары обнаженного человека в шляпе, с веером и кубком в руках; вместо этой фигуры в экфразе Евматия представлен омывшийся человек без одежды, стоящий с кубком перед дверьми бани. (J. Strzygowski. Die Monatscyklen, S. 42).

⁶ J. Strzygowski. Die Monatscyklen, S. 29.

⁷ Там же, стр. 30 и 42.

⁸ Там же, стр. 33.

⁹ В другом месте (IV, 18, 13) полыхающее до небес пламя заменено очагом, что не противоречит ранее нарисованной картине, так как сочетание *ἔστιν ἐμπλαβόν* — дигата из Гесиода (Op. 734), употреблено в переносном смысле, чтобы сказать «вблизи пламени».

¹⁰ H. Weiss. Kostümkunde, II. Gesch. d. Tracht u. d. Geräts im Mittelalter, Stuttgart, 1864, S. 72. Древние греки, в отличие от римлян, не употребляли этой одежды, римские же черты отсутствуют в картине условной греческой античности, нарисованной в романе. Следует сказать, что Стржиговский в одной из опубликованных им миниатюр с фигурами месяцев (две другие дают поясные изображения) усматривает у некоторых из них не прикрытые одеждой ноги (J. Strzygowski. Die Monatscyklen, S. 29).

¹¹ Одним из атрибутов птицелова, символизирующего VIII месяц, был ловчий сокол (J. Strzygowski. Die Monatscyklen, S. 31). Охота с ловчими птицами в ее классическом варианте была неизвестна в Греции; существовал, хотя и был крайне редок, примитивный вид подобной охоты, состоявший в следующем: сокола привя-

Охоту же с помощью намазанных клеем тростинок¹² Евматий, по-видимому, описывает (текст в этой части не вполне ясен и допускает различные толкования):¹³ она принадлежала к тому роду бытовых особенностей, которые сохранились в обиходе византийцев его времени.

Далее. Евматий изображает только те предметы обихода и орудия, которые использовались в древности и сохранили свое назначение в средние века (точило, баня, плуг, серп¹⁴) и т. д. Большинство реалий, например хитон, пеллос, кубок, теряют при этом свою историческую конкретность, потому что только называются, а не описываются: при совпадении наименований предметы выглядели в Греции и Византии по-разному. Эту же неопределенность создают и суммарные определения при помощи формул типа «одет по-деревенски» (IV, 6) или «похож не на садовника, а скорее на человека богатого, роскошного, с головы до пят изысканного» (IV, 7), не дающих представления об изображаемом.¹⁵

Евматий не ограничивается культурно-исторически нивелированными описаниями вроде IV, 10 или IV, 13, одинаково возможными для античной и византийской среды, а нередко стилизует византийский материал календаря под ту условную древность, к которой приурочено действие основного повествования. Это осуществляется при помощи античных реминисценций. Рассмотрим их в порядке следования месяцев.

IV, 5. Автор провоцирует в описании воина ассоциации с древностью: *δολιχὸν ἔγχος* вызывает в памяти *δολιχόσκιον ἔγχος* Гомера (II, III, 346; Od. XIX, 438), и фигура благодаря этому переключается в античный план.

IV, 6. Упоминание о боге Пане, которого призывает пастух, придает остальным, с точки зрения бытовых деталей, нейтральным составным частям картины безусловно античную окраску.

IV, 7. В этом описании (автопортрете Евматия, согласно Стржиговскому) появляются черты, не показательные для византийского быта, но типичные для древнегреческого: длинные локоны у мужчин и сандалии,

звали под кустами в расчете на то, что птички, испугавшись его вида, замрут без движения на ветках и охотник сможет их поймать. На римской почве в IV—V вв. соколиная охота достигла своего полного развития и была популярна. (V. Hehn. Kulturpflanzen und Haustiere. Berlin, 1887, S. 331).

¹² Этот род охоты на птиц в Греции был самым распространенным способом их добывания и состоял в следующем: на открытом месте в землю втыкался шест, к верхнему концу которого были прикреплены намазанные клеем тростины, а вблизи помещались подсадные птицы, которые своим пением привлекали лесных. Те садились, на штангу с тростинками, так как поблизости не было деревьев, и, приклеившись, становились добычей птицелова. Об этом см.: K. Zacher. Leimruten. Hermes, 19, 1884, S. 432. Также продолжали охотиться и в Византии: Cinn. Epitome, rec. A. Meineke, Bonn, 1836, p. 266; Th. Prodromi. Στίχοι εἰς τὰς δώδεκα μῆνας, стих 43 сл. См.: В. Keil. Die Monatscyklen, S. 113 (впрочем, как отмечает издатель (S. 105), принадлежность этого сочинения Продрому не доказана, и автором, возможно, был его современник Каллик).

¹³ Так, Стржиговский в интересующем нас отрывке — *ὁ δ' οἰκίσκουος φέρεϊ στρουθῶν πλάττει φυτόν, δόλον πλέκει κατὰ πτηνῶν... ὄλον λειψῶνα φτεβεῖ* — видит охоту с приманкой, толкуя *πλάττει φυτόν* как приготовление приманки, а *ὄλον λειψῶνα φτεβεῖ* как ее рассыпание по земле, что представляется весьма натянутым (J. Strzygowski. Die Monatscyklen, S. 31). Естественнее понимать в первом случае, что птицелов имитирует (*πλάττει*) при помощи шести куст или дерево (*φυτόν*) и в большом количестве «засаживает» ими луг (*ὄλον λειψῶνα φτεβεῖ*). Такое значение глагола *φτεβεῖω* мы находим у Кедрина (Georgii Cedreni Historiarum Compendium, vol. I. Bonnae, 1838, p. 677, 5).

¹⁴ Th. Prodromi. Στίχοι... 19. См.: В. Keil. Die Monatscyklen, S. 111 — об употреблении серпа для срезания травы.

¹⁵ Стржиговский (J. Strzygowski. Die Monatscyklen, 40 и сл.) странным образом видит в Евматии подлинного реалиста (*kräftiger Realist*), считая, что многие описания возникли на основании жизненных впечатлений автора. Даже насквозь литературное и далекое от византийского быта описание пастуха (IV, 6) он относит к этому типу, а в антикизированном образе богатого человека, воплощающего III месяц (IV, 7); усматривает даже автопортрет Евматия.

от которых византийцы почти совсем отказались, предпочитая им закрытую обувь разных фасонов.¹⁶

IV, 9. *πίλος ἀσκητόν* (Hes. Erga, 546) на голове жнеца — деталь, снова вводящая к древности.

IV, 11. Символический образ, воплощающий виноградаря, точило, лозу и источник вина, которым Евматий заменил традиционную для византийских календарей фигуру виноградаря, представляющего этот месяц, сконструирован по античному образцу (древний Амπελος).¹⁷

IV, 15. Сравнение фигуры охотника с зайцем в руках с античным образом идеального охотника обнаруживает то же стремление к стилизации под древность. Словарь Поллукса (V, 17) описывает охотника, каким он должен быть, в виде сильного юноши, одетого в хитон и хлену, т. е. дает образ, очень близкий к «юноше с сильным телом», в хитоне и пеплосе из этого раздела экфразы Евматия:

Поллукс

*νέος, θαρσαλέος, δρομικός,
ὄξύς, οὐ προαποκάμνων*

Евматий

*νεανίσκος σφριγγῶν τὸ σῶμα
καὶ τὸ βλέμμα θρασύς*

Условно-античная атмосфера создается и средствами языковой стилизации. Едва ли случайно Евматий в рамках своей короткой экфразы многократно употребляет архаический *dualis* и такие его редко встречающиеся разновидности, как *dualis* прилагательных (IV, 5; IV, 6; IV, 8; IV, 16). Благодаря этому сочетанию символических, условно-античных и равно характерных для Греции и Византии реалий календарь Евматия, в отличие от всех известных нам памятников этого жанра, отступал от реальной жизни.

«Разбытовление» изображаемого сказалось и на отсутствии интереса к специальным частностям сельскохозяйственной практики и житейского обихода, которым в литературных описаниях месяцев уделялось внимание: обычно они заключали земледельческие советы и нередко гигиенические наставления. У Евматия подобный материал почти не встречается и пояснения носят самый общий характер, не затрагивая практической стороны дела, вроде «Рассыпающий вслед за ними семена — это сеятель: он указывает на пору посева» (IV, 18, 11).

Эту свою задачу поднять экфразу над повседневностью и бытом, создать атмосферу исключительности автор осуществляет также при помощи поэтизации. Начать с того, что все описание выполнено в риторической манере, ритмизованной и рифмованной прозой, украшенной риторическими фигурами и повторениями одних и тех же слов и сочетаний, т. е. приближенной к поэзии,¹⁸ примером чего может служить следующий отрывок из IV, 5:

*ὁ μὲν γὰρ στρατιώτης ἦν· στρατιώτης τὸ σχῆμα, στρατιώτης τὸ βλέμμα,
στρατιώτης τὸ μέγεθος· ὅλος στρατιωτικῶς κατεπέφρακτο· τὴν κεφαλὴν, τῷ χεῖρει,
τὸ μεταφρένον, τὸ μέτωπον, τὸ στέρνον, τὴν ὄσφυν καὶ μέχρι ποδῶν· οὕτως ὁ τεχνίτης τὸν σίδηρον εἰς πέπλον ἐξόφανε·ν ἢ μᾶλλον ταῖς βαφαῖς τὸν σίδηρον ἐμιμήσατο·*

¹⁶ H. Weiss. *Kostümkunde*, S. 74. Этому не противоречит то обстоятельство, что месяц май в опубликованных Стржиговским миниатюрах тоже представлен с длинными волосами (J. Strzygowski. *Die Monatszyklen*, S. 28), так как изображаемые одеяния отставали от византийской моды, нередко сохраняя черты, присущие древности. A. Riegel. *Die mittelalterliche Kalenderillustration*. *Mitteil. d. Inst. f. österreich. Geschichtsforschung*, 1889, X, S. 70.

¹⁷ J. Strzygowski. *Die Monatszyklen*, S. 30.

¹⁸ Указанная особенность дикции Евматия неоднократно отмечалась в специальной литературе: E. Rohde. *Der griechische Roman und seine Vorläufer*.⁴ Berlin, 1960, S. 561; K. Krumbacher. *Geschichte der byzantinischen Literatur*.² München, 1897,

οὐτὼ καὶ μέχρις ὀνόχων αὐτῶν τὸν στρατιώτην κατέφροσε. Φάρετρα περὶ τὴν ὀσφὺν καὶ σπίνθη ἀμφίκοπος· δολιχὸν ἔργος περὶ τὴν δεξιάν· ἀπίς ἐξήρτητο τῆς λαϊᾶς· τοῖν δέ γε ποδοῖν οὕτως ἐὺφύως εἶχε καὶ τεχνικῶς, ὡς εἴποις ἰδῶν κινεῖσθαι τὸν ἄνθρωπον¹⁹.

Не меньшую роль играет причудливая образность фраз: «живописец соткал из железа одеяние или, лучше сказать, передал железо красками» (IV, 5); «на ногах сандалии; даже ноги не оставлены без украшений: на сандалиях, как в зеркале, предстает луг» (IV, 7),¹⁹ «левая рука держит бич, эту кисть землепашцев, которая окунается в воловью кровь и покрывает узорами землю» (IV, 13).

Сгущению поэтической обстановки содействуют и несущие поэтическую нагрузку детали. С одной стороны, Евматий изображает бесспорно поэтическое: складки одежды, стремительно развеваемые ветром, по-разному уложенные волосы, то «сбегающие по плечам и завивающиеся в красивые локоны», то живописно откинутые на затылок, всевозможные материи, головные уборы, «будто вытканные из золота, будто расшитые цветами хитоны», воинские одеяния из железа, «тонкие, как паутина, льняные ткани», искусно покрытые узором сандалии; с другой — задерживается на вещах низкого обихода: далекий от мира, где эти предметы повседневны и обычны, Евматий смотрит на них как на экзотический раритет. Подвязанные веревкой пеплосы, худые сапоги, шапки из валяной шерсти в его глазах притягательны из-за своей необычности и потому обладают не меньшей поэтической ценностью, чем вещи изысканного вкуса и дорогой работы. Те и другие равно поставлены над бытом; включены из него, так как лишены этнографической достоверности и перенесены в сферу условной поэтичности. Наиболее нагляден в этом смысле отрывок, где грубый пояс из веревки вызывает у автора ассоциации с плющом: «Все остальное, кончая пальцами, покрывает какой-то рваный пеплос, подвязанный, точно плющом, веревкой» (IV, 15).

Сочетание безусловно поэтического с опозитизированным прозаическим придает экфразе особую остроту.

Роль деталей, создающих поэтическую атмосферу, отчетливо проступает при сравнении с аналогичным по теме отрывком из «Описания» анонима; о втором месяце «Описание» сообщает следующее: «...изображен пастух, подле него ягнятся коза. А сам он играет на сиринге». Евматий дает здесь буколическую картинку, так как подробности, выбранные им для изображения пастуха (заботливая помощь ягнящейся козе, прославление ее родов и молитва к Пану), создают идиллическую атмосферу, которая характерна для буколической поэзии; даже детали внешнего облика (косматые волосы, сила, огромный рост) восходят к такой разновидности буколической поэзии, как XI идиллия Феокрита, где влюбленным пастухом выступает Киклоп: «Стоящий за ним с головы до пят одет по-деревенски и с головы до пят пастух. Голова не покрыта, волосы и борода в беспорядке, руки по локти обнажены. Хитон живописец нарисовал до колен, а ноги оставил голыми. Грудь пастуха косматая, космато и тело, что не прикрыто хитоном, бедра широкие и по-мужски крепкие. У ног пастуха изображена коза, приносящая двойняшек. Великан-пастух помогает козе: первенца держит в руках, второго козленка принимает.

S. 764; W. Schmid, Eumathios, Realenz d. kl. Altertums, Pauly-Wissowa, 1909, VI, 1075. О риторической прозе как заместительнице поэзии см.: С. Полякова. К вопросу о стиливых особенностях греческого романа. Сб. «Язык и стиль античных писателей», 1966, стр. 155 сл.

¹⁹ Речь идет о том, что сандалии покрыты рисунком, изображающим цветы, подобные цветам луга, на котором стоит обутый в сандалии человек.

И по-пастушьи наигрывая на свирели, он, кажется, славит роды и просит Пана, чтобы его козы часто и счастливо ягнлись» (IV, 6).

К такого рода подробностям, определяющим восприятие целого, относится и введенная Евматием в описание X месяца фраза: «Живописец не дает заметить, не затаились ли в бороздах птицы и не достанется ли какое семечко им» (IV, 14) — штрих, придающий описанию сева поэтический оттенок.

Особое впечатление поэтической неожиданности достигается также «остранением» штампа. В обязательный стандарт описания весны (III месяц) входили — по наследству от древнегреческой литературы — упоминания о теплых ветерках, журчащей воде, расцветающих цветах, начавших летать насекомых и птицах.²⁰ Помимо этих литературных тривиальностей, на пути Евматия стоял еще живописный трафарет, предписывавший изображать фигуру III месяца в виде человека, держащего в руках цветы или нюхающего цветок.²¹ Но автор находит способ, не нарушая живописного канона, представить картину весны нетрадиционно: он рисует воплощение III месяца в виде человека, «точно пчела, прилетающего к цветам» (IV, 7). Стертые от долгого употребления образы проснувшейся весной пчелы и расцветших цветов обновляются сравнением, чтобы избежать давно пришедшее упоминание о том, что пчелы ожили, и традиционные компоненты картины перестают ощущаться как штампы.

Таковыми способами бытовое по своему характеру описание XII месяцев уходит от исторически определенного к условно-символическому, поднятому над повседневным и обыденным, и органически вписывается в «высокий» контекст аллегорического романа.

Нам осталось рассмотреть вопрос об отношении экфразы и «Описания» анонима. Оба текста начинают год с марта (такой тип календаря засвидетельствован для Византии)²² и строятся совершенно одинаково — за описанием символов и примет какого-нибудь месяца следует объяснительная часть, где эти символы и приметы истолковываются в соответствии с главнейшими работами и занятиями этой поры года. Единственное структурное различие — отсутствие у Евматия обозначения месяцев, которые в «Описании» всегда упоминаются и носят, согласно не чуждой Византии манере, древнегреческие наименования.²³ Близость не ограничивается этим: оба календаря, особенно в их объяснительной части, обнаруживают ряд фразеологических совпадений. Они выделены нами в тексте анонима.

²⁰ Ἐκφρασις μηνῶν ὑπὸ ζωγράφου καταγεγραμμένων συμβολικῶς

I. Ἄνθρ ἐν γραφῇ ὅπλοις κατάφρακτος ἀρεῖκᾶ πρὸς ἔργα χορεῖ. τί βούλεται τῶν ζωγράφων τὸ τέχνημα; μὴνὸς Ἑκατομβαιῶνος ἰδιῶμά σοι αἰνίττεται, καθ' ὃν πᾶς στρατιώτης εἰς στρατείαν παρασκευάζεται.

II. Αἰπόλος μετ' αὐτὸν ἀναγεγραπται, αἷξ τε παρ' αὐτῷ τίκτει. ἀλλ' ἐμπνεῖ καὶ σύριγγι οὗτος αὐτός. ὁ ζωγράφος φραζέτω τὸν νοῦν τῆς γραφῆς. πάντως δ' οὐ πολλῆς σοι δεήσει τῆς δυσχερείας καταμαθεῖν τὸ σύμβολον, εἴπερ ἐννοήσεις τὸν μῆνα τὸν Αθηναῖον, καθ' ὃν ἐκ χειμῶνος μὲν ἐξάγει τὸ ποίμνιον ὁ ποιμὴν καὶ τὸ

²⁰ «Описание» анонима воспроизводит весь этот набор традиционных черт: «изображен столь прекрасный луг, что кажется, будто он цветет всевозможными цветами и изобилием красок, орошается водой, полн жужжания пчел» (III).

²¹ J. Strzykowski. Die Monatszyklen, S. 41—42.

²² Там же, стр. 25.

²³ P. Tannery. Les noms de mois attiques chez les Byzantines. Revue archéologique, III. sér. 9, Paris, 1887, p. 23; G. Arnakis. The names of the months in the history of Georgios Pachymeres. Byz.-Neugr. Jahrb. 18 (1945—1949), p. 144.

αἰπόλιον ὁ αἰπόλος εἰς πόαν, τίκτουςι δ' αἴγες, καὶ ὁ βουκόλος ἀρμόζεται οὐρίγγα καὶ πρὸς ἔξαγωγὴν τὸ βουκόλιον συγκροτεῖ.

III. Λειμῶν μετ' αὐτοῖς διαγράφεται, οὕτω καλός, ὡς παντοδαποῖς μὲν ἄνθει καὶ χρωμάτων θάλλειν τῷ περιττῷ, λιβαδίους δὲ περιρρεῖσθαι δοκεῖν καὶ μελίτταις καταβομβεῖσθαι, καὶ χωρίον ὅλως εἶναι χαρίτων, καὶ πολυπραγμονεῖν τοῖς θεομένοις τὸν σκοπὸν τοῦ γεγραφότος παρέχεσθαι. ὁ δὲ τὸν Μεταγεινιῶνα ζητεῖν σοι παρακελεύεται, τὸν τοῦ ἤρος καιρὸν κατανθίζοντα καὶ χειμερινὰν ἄπασαν νάρκην πάντων ἐκλύοντα.

IV. Ἐπὶ τούτοις πεδίον ἤπλωται χλοηφόρον, καὶ χόρτον γέγραπται τίλλων ἀγρότης. παρίστησι δ' ἐντεῦθεν ὁ ζωγράφος τὸν Βοηδρομιῶνα, καθ' ὃν ὁ χόρτος πεπαίνεται καὶ τὴν ἔκτομὴν ἀντικρυς ἐκκαλεῖται.

V. Ὁ τὸ δρέπανον ἔχων καὶ θερίζων τὸν στάχυν τὸν Πυανεσιῶνα μὲν σοι διαγράφει σαφῶς. παρεγγυᾷ δὲ τοὺς σιρούς εὐθετίζειν καὶ τὰ ὠρεῖα σαροῦν καὶ τᾶλλα παρασκευάζειν εἰς ὑποδοχὴν τῶν καρπῶν.

VI. Ἄνδρα σοι προύθηκεν ὁ ζωγράφος γυμνὸν πνίγους γέμοντα καὶ ἀνάμεστον πυρὸς θερινοῦ καὶ πρὸς ποτὸν κεχυμένον, ὑπομιμνήσκων σε τοῦ Μαιμακτηριῶνος, ἐφ' οὗ τὸν οὐράνιον κύνα ἐπιτέλλειν φασὶ καὶ τοὺς οἴστρους ταῖς βουσί. . . τὰ κέντρα, ἐν ᾧ πᾶς τις ψυχαγωγίαν ποθεῖ καὶ πρὸς ψυχρὸν ὕδωρ ἐπέιγεται, καὶ ἀναπαύλης ὀδοιπόρος ἐπιθυμεῖ.

VII. Ὁ τὸν βότρυν ἐκθλίβων ἀνὴρ, ὁ τὸν βότρυν τρυγῶν ἐκ γραφῆς, τὸν Γαμηλιῶνα σοι μῆνα ἐνοστήναι προδείκνυσι καὶ πρὸς τρύγην σπεύδειν παρεγγυᾷ ὡς πεπεῖρους ἤδη τοὺς βότρυς τυγχάνοντας καὶ τομῆς δεομένους καὶ σεσαρωμένων ληνῶν.

VIII. Ὁ μετ' αὐτὸν ἰξευτῆς ὑπαινίττεναί σοι τὸν Ἄνθεστριῶνα, καθ' ὃν τὰ πτενὰ τὸν χειμῶνα φρίσσοντα μεταίρει πρὸς τὸ θερμότερον.

IX. Ὁρᾶς τὸν ἀρότην ἐκεῖνον τὸν ἐχέτλης ἐπειλημμένον καὶ πρὸς τομὴν τὴν ὕιν ἰθύοντα; οὗτός ἐστιν ὁ καιρὸς, καθ' ὃν Ἡσίοδος ὁ ποιητῆς δυσομενάων τῶν πληιάδων ἀρότοιο ἄρχεσθαι παρεγγυᾷ, μάλιστα Ἐλαφβολιῶνος ἐνισταμένου μηνός.

X. Ἦ χεῖρ ζωγράφου, ὡς εὖ ἐγεγραφέεις τὸν ταῖς αἰλαξὶ τοὺς καρπούς ἐνοσκοπιζόντα. εἰ δὲ τίς σοι τὸν μῆνα, καθ' ὃν, ἐκπυθάνοιτο, Ποσειδεῶνα πάντως ἐρεῖς καὶ πρὸς τὸ σπεῖρειν ἐκκαλέσεις ἐπειγομένους ὡς τοῦ μετ' αὐτὸν ἀσυντελοῦς πρὸς τοῦτο τυγχάνοντος.

XI. Ὁρᾶς τὸν ἐν μέσῳ κυνῶν νεανίσκον μάλα γενναῖον, θηρατὴν ἄριστον ἐκκρεμαννόντα λαγῶν τοῦ καρποῦ. οὗτος ὑποσαίνων τὰς κύνας Θαργηλιῶνα μὲν ἐρμηνεύει σοι παρῆναι τὸν μῆνα, τῆς δὲ θήρας καιρὸν ὑπεμφαίνει. εἰ γοῦν συνῆκται σοι δαφιλῶς τάπιτῆδεα, πρὸς θήραν σαυτὸν ἐρέθειζε. τῷ γὰρ γεωργικῶς καὶ γηπονικῶς ἔχοντι ἀνεσις θήρας καὶ κυνηγεσίας καιρὸς ἀφωσιῶται.

XII. Ὁ πολὺς οὗτος καὶ ῥίγους πλέως ὁ τῆ ἐστία παρακαθήμενος ὦραν χεῖμέρινον καὶ δριμύτητα Σκιροφοριῶνος σαφῶς δεικνύσιν. εἰ δὲ τι καὶ ψυχρίαν γήρωσ αἰνίττοιο, μὴ σε διαφευγέτω τὰ τῶν σοφιστῶν σύμβολα, ὡς διὰ κόρης μὲν χεῖμῶν ἀπαλόχρους οὐ διάησι, τροχαλὸν δὲ γέροντα τίθησιν.

ПЕРЕВОД

ОПИСАНИЕ МЕСЯЦЕВ,

СИМВОЛИЧЕСКИ ИЗОБРАЖЕННЫХ ХУДОЖНИКОМ

I. Муж на картине, покрытый доспехами, выступает на дела Арея. Что хочет сказать произведение художников? Так оно намекает тебе на особенности месяца гекатомвиона, когда всякий воин собирается в поход.

II. Вслед за ним изображен пастух, подле него ягнятся коза. А сам он играет на сиринге. Пусть художник поясняет смысл этой картины. Но, конечно, тебе не потребуется большого труда, чтобы понять иносказание, если подумаешь о месяце линионе, когда после зимы овчар выгоняет на пастбище свое стадо, а козопас свое, ягнятся козы, волопас настраивает сирингу и ее звуками собирает коров на выгон.

III. После них изображен столь прекрасный луг, что кажется, будто он цветет всевозможными цветами и изобилием красок, орошается водой, полн жужжания пчел, истинно приют приятностей и заставляет смотрящих задуматься над замыслом живописца. А тот приглашает тебя вспомнить о метагитнионе, расцвечивающем пору весны и отовсюду прогоняющем зимнее оцепенение.

IV. Вслед за этим простирается зеленая равнина и нарисован поселянин, срезающий траву. Здесь живописец представляет воидромиион, когда высоко поднявшаяся трава ждет быстрого покоса.

V. Муж с серпом, жнуший колосья, ясно изображает тебе пианипсион. Этот месяц призывает приводить в порядок амбары, выметать сараи и готовить все прочее для хранения зерна.

VI. Живописец представил тебе обнаженного человека, задыхающегося от жары, утомленного летним зноем и утоляющего жажду, напоминая тебе мимактирион, с наступлением которого, говорят, восходит созвездие Пса и слепни [вонзают] жала в коров, когда всякий хочет усладиться и спешит к прохладной воде, а путник ищет место отдохновения.

VII. Человек, давящий виноград, человек, на картине собирающий виноград, показывают тебе, что наступил месяц гамиион, и призывают приняться за сбор винограда, так как грозди уже поспели и их надо срезать, а точила готовы.

VIII. Нарисованный вслед за ним птицелов намекает тебе на антистирион, когда птицы, боящиеся зимних холодов, улетают в теплые края.

IX. Видишь того пахаря за плугом, направляющего движение лемеха? Это пора, когда поэт Гесиод советует, «только Плеяды начнут заходить, пахать принимайся», точнее сказать, месяц элафииволион.

X. О рука живописца, как хорошо ты нарисовала человека, бросающего в борозды семена! Если кто спросит тебя о месяце, когда это происходит, ты, конечно, назовешь посидион и посоветуешь не медлить с посевом, так как следующий месяц не годится для этого.

XI. Видишь благородного юношу в окружении собак, отличного охотника, держащего на весу зайца? Этот ласкающий свою свору объясняет тебе, что настал месяц таргиалион, указывает на пору охоты. Если у тебя вдоволь запасено всего необходимого, готовься к охоте. Ведь для того, кто обеспечил себя плодами поля и огорода, наступает отдых — время охоты и травы.

XII. Этот седой старик, продоргший и сидящий у очага, ясно указывает на холодное и суровое время скирофорииона. Если что-нибудь наметит на зябкость старости, не оставь без внимания слов мудрых людей:

Ведь холод не продувает девушки с кожей нежной,
Но старца бежать заставляет.

Издатель «Описания» Фольц (никто после него этим вопросом не занимался) считает, что анонимный автор частично без изменений заимствовал, частично парафразировал Евматия.²⁴ В качестве единственного доказательства своей точки зрения он приводит отрывок из описания месяца гамииона — *ὁ τὸν βότριν ἐκθλίβων ἀνὴρ, ὁ τὸν βότριν τρυγῶν ἐκ γραφῆς*, — в котором, по его мнению, *ἐκ γραφῆς* содержит указание на использованный

²⁴ L. Volz. Bemerkungen, S. 550.

оригинал, а слова \acute{o} τὸν βότρυον τρυγῶν являются цитатой из него (IV, 18, 8), читая: «человек, выжимающий виноград, т. е. человек, по словам романа Евматия, собирающий виноград».

В результате такого понимания Фольц констатирует смысловую шероховатость, свойственную искаженному чужой рукой оригиналу (между \acute{o} ἐκθλίβων и \acute{o} τρυγῶν, вопреки логике, поставлен знак равенства), и получает дополнительное свидетельство в пользу несамостоятельности анонима.

Однако подобное толкование по ряду причин не выдерживает критики. Исследователь цитирует Евматия по изд. Hercher'a (*Erotici scriptores graeci*, t. II. Lipsiae, 1859), основанному на ограниченном количестве рукописей. Между тем, как видно из аппарата различений, приведенного в позднейшем издании Hilberg'a (*Eusthatii Macriembolitae. De Hysmines et Hysminiae amoribus. Vindobonae. MDCCCLXXVI*), располгавшего 23 списками, сочетание \acute{o} τὸν βότρυον ἐκθλίβων, \acute{o} τὸν βότρυον τρυγῶν находило свое место в рукописном предании романа и подтверждено большим числом рукописей, что и дало Hilberg'у повод в таком виде включить его в свой текст.²⁵

Поскольку в составе IV, 18, 8 находилось сочетание \acute{o} τὸν βότρυον ἐκθλίβων, \acute{o} τὸν βότρυον τρυγῶν, нет оснований рассматривать \acute{o} τὸν βότρυον τρυγῶν во фразе анонима \acute{o} τὸν βότρυον ἐκθλίβων ἀνὴρ, \acute{o} τὸν βότρυον τρυγῶν ἐκ γραφῆς как цитату из Евматия.

Сомнение вызывает, кроме того, самое толкование Фольцем сочетания ἐκ γραφῆς. Едва ли это намек на роман Евматия, поскольку ссылки на реальный или фиктивный живописный оригинал были типичны для литературных описаний картин и анонимный автор многократно упоминает то послужившую ему образцом картину, то создавшего ее живописца: ἀνὴρ ἐν γραφῇ, τέχνημα τῶν ζωγράφων (I); αἰπόλος ἀναγέγραπται, ζωγράφος, τὸν νοῦν τῆς γραφῆς (II), διαγράφεται, τοῦ γεγραφότος (III); γέγραπται, ὁ ζωγράφος (IV); ζωγράφος (VI); ὡ χεῖρ ζωγράφου ὡς εἰ ἐγεγραφέεις (X).

Если же прочитать этот отрывок, в отличие от Фольца рассматривая связь однородных членов как копулативную, мы получаем лишенный всякой шероховатости смысл: «Человек, выжимающий виноград, и человек, собирающий виноград, изображенные на картине... , показывают и т. д.».

Остановить на себе внимание может только наличие (вопреки традиции живописных календарей, которой обычно придерживается аноним) двух фигур, символизирующих месяц гамилеон.²⁶ Но это, возможно, следствие небрежности анонимного автора: несмотря на крайнюю сжатость сочинения, оно не свободно от такого рода погрешностей — в описании метагитниона (III) вообще отсутствует его антропоморфное изображение; в картинке I месяца (если это не ошибка переписчика) упомянуты произведения художников τῶν ζωγράφων τὸ τέχνημα, хотя в дальнейшем речь везде идет об одном живописце. Менее вероятно предполагать, что автор отступил от трафарета. Как бы то ни было, наличие двух фигур, иными словами, трактовке связи однородных членов \acute{o} ἐκθλίβων и \acute{o} τρυγῶν как копулативной, а не оппозиционной, не противоречит ни постановка единственного числа глагола в оригинале \acute{o} τὸν βότρυον ἐκθλίβων ἀνὴρ, \acute{o} τὸν βότρυον

²⁵ Чтение Hilberg'a — \acute{o} τὸν βότρυον ἐκθλίβων, \acute{o} τὸν βότρυον τρυγῶν; чтение Hercher'a — \acute{o} τὸν βότρυον τρυγῶν.

²⁶ Стржиговский (J. Strzygowski. *Die Calenderbilder vom Jahre 354. Berlin, 1888 = Jahrbücher des Deutschen Archäologischen Instituts. Ergänzungsheft. I, S. 75 u. 80*) отмечает, что, в отличие от византийской традиции, некоторые средневековые итальянские миниатюры представляют многофигурные сценки, охватывающие несколько видов характерных для того или иного месяца занятий. Аналогично строились и древнегреческие живописные изображения месяцев.

τροπῶν... προβαίνουσι (поскольку в греческом языке, как в большинстве индоевропейских языков, при двух однородных членах такая конструкция широко употребительна),²⁷ ни единственное число местоимения в описании следующего месяца, возвращающее нас к гамилиону — ὁ μετ' αὐτὸν ἰξουτῆς ἵπαινίττεται, где под αὐτὸν подразумевается гамилион, о котором только что говорилось. Аноним не раз подобным образом вводит описание следующего месяца — μετ' αὐτοῦς, т. е. вслед за первыми двумя месяцами (III), ἐπὶ τοῦτοις (IV) и, может быть, μετ' αὐτὸν (II).

Подводя итоги рассмотрению аргументации Фольца, можно сказать, что в «Описании» не содержится ни прямых свидетельств использования романа, ни следов, косвенно указывающих на его переработку. Напротив, некоторые факты скорее говорят о том, что «Описание» не могло послужить оригиналом экфразы.

1. Если бы аноним пользовался Евматием, то, принимая во внимание близость обоих текстов, в его парафразу, вероятно, проникли бы какие-нибудь — пусть ничтожные — следы риторико-поэтической дикции оригинала. Между тем «Описание» совершенно свободно от них; только однажды — и, очевидно, произвольно — автор употребил чуждую украшенному стилю его сочинения риторическую фигуру — χωρίον ὅλωσ ἔιναι χαρίτων (III), не встречающуюся, впрочем, у Евматия.

2. При предполагаемом Фольцем взаимоотношении текстов наличие у анонима в описании IX месяца цитаты из Гесиода (Op. 384), скрытой у Евматия за намеком ὁ καιρὸς, ὃν καὶ τις σοφὸς ἐκ τῶν Πηλιαδῶν εἰς ἄρτον ἤκριβῶσατο (IV, 18, 10), нуждается в объяснении. В самом деле, чтобы поверить в возможность превращения намека оригинала в цитату у копииста, надо предположить, что копиист, во-первых, был в состоянии по парафразе определить автора и вспомнить соответствующий стих из «Трудов и дней», во-вторых, желал насыщать свой текст цитатами.

С этим, однако, в других случаях не согласуется его практика. Так, аноним, если считать его копиистом, отказывается от двух использованных Евматием мест из этой поэмы: πῖλον ἀκρητόν Op. 546 (IV, 9) он пропускает совсем, а в ἐστὶν ἐμπελαδὸν Op. 734 (IV, 18) то ли не узнает стиха Гесиода, то ли сознательно не хочет его сохранить, заменив эпико-ионическую форму ἐστὶν аттической ἐστία, а редкий предлог ἐμπελαδὸν — причастием παρακαθήμενος, разрушающим дактилический ритм сочетания.

При обратном взаимоотношении текстов наличие этих цитат удовлетворительно объясняется: Евматий, как нам известно, был широко начитан в классической литературе и охотно украшал свой роман отрывками из поэтов, среди которых часто встречался Гесиод.²⁸ Поэтому он мог не только сохранить две имевшиеся у анонима цитаты из Гесиода, одну приведя текстуально (Op. 518 в описании XII месяца), другую щегольски украв в IV, 18 за τις σοφὸς (прием непрямой цитации в высшей степени характерен для произведений с риторической дикцией), но и добавить от себя еще два стиха из тех же «Трудов и дней» (в IV, 9 мы находим стих 546, а в IV, 18 — стих 734) — «массированная» цитация одного поэта в пределах коротких отрывков повествования для Евматия обычна.²⁹

3. Отмеченные непоследовательности, встречающиеся в тексте «Описания» (две фигуры для месяца гамилиона, отсутствие антропоморфного образа метагитиона, упоминание в описании I месяца живописцев), де-

²⁷ Она неоднократно представлена в экфразе XII месяцев Евматия (IV, 18, 4; IV, 18, 5), где, впрочем, глагол в единственном числе обслуживает даже три однородные члена.

²⁸ См.: Index scriptorum Hilberg'a, приложенный к изданию романа.

²⁹ Аналогичным образом используется, например, «Гекуба» Еврипида в IV, 24—V, 4 и в VI, 7—13.

лают маловероятным, чтобы аноним мог предпринять систематическую переработку экфразы, т. е. (без единого пропуска!) удалить из нее не только стилистические особенности манеры Евматия, но и те отступления от канона в описаниях календарных фигур, которые были им сделаны. Существенная же Евматием последовательная — даже в мелочах — переработка романа Ахилла Татия показывает, что такого рода задача соответствовала его возможностям и творческой практике.

S. Poljakova

ЕКПХРАСЕ ДЕР XII MONATE BEI EUMATHIUS MACREMBOLITES

Um die Ekphrase der XII Monate (IV, 5—18) mit dem Charakter der narrativen Partien seines Romans in Einklang zu bringen beseitigt Eumathius alle Spuren byzantinischen Lebens, die er in seinen Vorlagen (byzantinische Buchillustration, poetische und prosaische Beschreibungen der Monatszyklen) vorfinden konnte.

Demgemäß verlieren die Personifikationen einzelner Monate ihre veristische Alltäglichkeit und der ganze Realienbestand weist ein kulturhistorisch unbestimmtes Milieu auf, das von Byzanz wenig zu sagen weiß und eher allgemein antik anmutet. Mit anderen Worten, aus reinem Genre und Alltagslebenmaterial seiner Vorlagen formt der Autor ein abstraktes symbolisches und poetisches Stück. Offensichtlich benutzte Eumathius die von Volz edierte (B. Z., 1895, N 4) anonyme Monatszyklenbeschreibung aus dem XII Jahrhundert.
